

УДК 97 (470)

НЮАНСЫ ПОСОЛЬСКОГО ПРАВА В МОСКОВСКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ XVII В.

Почкаев Р. Ю.

*Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ropot@mail.ru*

Предпринимается попытка проследить особенности правового регулирования отношений властей Московского царства и Крымского ханства к принципу неприкосновенности послов. На двух примерах середины XVII в. автор рассматривает, на кого правители обоих государств возлагали вину за причинение вреда дипломатам и пытается выяснить, почему власти Москвы и Крыма по-разному представляли себе ответственность за нарушение посольского права.

Ключевые слова: Московское царство, Крымское ханство, посольское право, дипломатическая неприкосновенность, земский собор 1639 г., Ислам-Гирей III, Мухамма-Гирей IV.

История дипломатических отношений Московского царства и Крымского ханства неоднократно исследовалась различными специалистами в самых разных аспектах. Однако к числу наименее разработанных из них относятся вопросы правового обеспечения дипломатических процессов. В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть особенности подхода к одному из принципов посольского права (или, используя современную терминологию, права внешних сношений) – неприкосновенности дипломатических представителей и различного отношения московской и крымской правящей элиты к нарушению этого принципа.

Институт дипломатических представителей, равно как и принцип их неприкосновенности имеет весьма древнее происхождение. Так, например, в Древнем Египте дипломаты считались личными представителями направивших их правителей, что делало их неприкосновенными лицами, а в Древнем Китае их задержание или иные насильственные действия в отношении послов и посланцев считались грубым нарушением «ли», т. е. правил общения [3, с. 450–451]. Этот принцип обеспечивается и современным международным правом, будучи зафиксированным в ряде Венских конвенций [см. подробнее: 2, с. 172–173, 177].

Разделяли принцип неприкосновенности послов также в Монгольской империи и государствах Чингизидов. Весьма характерными представляются эпизоды убийства монгольских послов хорезм-шахом Алла ад-Дином Мухаммадом II в 1219 г. или русскими князьями перед битвой на р. Калке в 1223 г. и реакция на него монгольских правителей. Вряд ли следует соглашаться, в частности, с мнением Л. Н. Гумилева о том, что взятие и уничтожение города Козельска в 1238 г. было мстью за нарушение принципа посольского права, имевшего место за пятнадцать лет до монгольского похода на Русь [5, с. 339–340], однако признание и соблюдение Чингизидами этого принципа не подлежит сомнению. И, как мы увидим, со временем оно не исчезло, и потомки Чингис-хана, стоявшие во главе Крымского ханства, весьма болезненно реагировали на случаи насилия в отношении их послов. Впрочем, это не мешало и

самим крымским властям допускать подобные нарушения в отношении иностранных дипломатов – в большинстве случаев московских.

Естественно, когда сведения о подобных нарушениях доходили до правителей государств, дипломатическим представителям которых причинялся вред или наносилось оскорбление, вставал вопрос об ответственности – ведь, как уже упоминалось, с глубокой древности посол являлся личным представителем направившего его монарха, и оскорбление ему автоматически становилось оскорблением монарха и государства в целом. И вот тут-то возникали различные нюансы в вопросе поиска виновных и порядке привлечения их к ответственности.

В качестве примера будут рассмотрены два случая из истории русско-крымских отношений середины XVII в., нашедшие отражение в официальных актах обоих государств. В официальных документах, отразивших эти два в общем-то близких по времени случая, ярко отразилось различное отношение к проблеме нарушения неприкосновенности послов со стороны Московского царства и Крымского ханства. Таким образом, главной целью является не реконструкция политических событий (хорошо известных историкам), а попытка прояснить причины того, что русские и крымские правители по-разному представляли себе ответственность противоположной стороны за нарушение принципа неприкосновенности дипломатов. Таким образом, исследование приобретает междисциплинарный характер, поскольку сочетает элементы источниковедения и юридической антропологии.

Итак, первый пример датируется январем – апрелем 1639 г., когда в Крымском ханстве находилось московское посольство И. Фустова и И. Ломакина, которые в первые же дни по прибытии подверглись «грабежу» со стороны самого хана Бахадур-Гирея (прав. 1637–1641), а затем его родственников и приближенных. При этом посланцы не только лишились значительной части имущества, но и подверглись тюремному заключению и даже пыткам – такими методами крымские власти пытались добиться от послов обещания дальнейших ежегодных выплат в увеличенном размере. Эти события, достаточно подробно рассмотренные в общем контексте московско-крымских отношений первой половины XVII в. в специальном исследовании А. А. Новосельского [7, с. 272–274] (обращались к этому сюжету и другие авторы), не нуждаются в подробном описании, поскольку не являются темой настоящего исследования. Для нас наиболее интересными представляются правовые последствия столь вопиющего нарушения принципов посольского права со стороны крымских властей.

А таковым последствием стал специально созванный по указу царя Михаила Федоровича (прав. 1613–1645) и приговору Боярской думы Земский собор, прошедший 19–26 июля того же 1639 г. [7, с. 274–275; 12, с. 293–298]. Как видим, московские власти весьма серьезно отнеслись к оскорблению, нанесенному государству в лице его дипломатических представителей, не говоря уж о причиненном им физическом вреде и материальном ущербе. Решение Земского собора было оформлено в виде «мнений» высшего духовенства (Освященного собора) и купечества («гостей и торговых людей гостиной сотни» и «торговых людей суконной сотни»), уже неоднократно публиковавшихся [6; 9; 12].

Соответственно, как в приговоре Боярской думы, так и в решениях частей Земского собора были выработаны предложения, как царю надлежит действовать в сложившейся ситуации. Нас интересует именно вопрос ответственности за нарушение крымцами принципов посольского права: кто, по мнению участников Земского собора, должен был ее понести.

Боярская дума предложила в дальнейшем не направлять «казну» непосредственно в Крым, а передавать ханским представителям на границе; крымских же послов предлагалось, в качестве ответа на нарушение неприкосновенности московских дипломатов, «поддержать... на дворах запертых и никуда не спускать, и корму убавить половина» [12, с. 295].

Члены Освященного собора во главе с патриархом Иоасафом I, предложили больше не направлять в Крым деньги, а, напротив, тратить их на содержание войск и крепостей на границе с Крымом. От рекомендаций же в отношении ханских послов – следует ли их подвергнуть каким-либо санкциям в ответ на «позор и мучение и грабеж» русских послов в Крыму – представители высшего духовенства воздержались [6, с. 373–374].

Мнение представителей торгового сословия оказалось менее четко выраженным: они лишь задали риторический вопрос: «за што им [имеются в виду хан, калга-султан и нураддин-султан – *Р. П.*] давать твое государево жалованье, что оне в шерти своей ни в чем не стоят» [12, с. 300, 301]. Окончательное же решение данной проблемы торговцы, точно так же, как бояре и духовенство, оставили за царем, заявив, что примут любую его волю и сделают все то, что потребуется.

Для нас весьма важно, что и Боярская дума, и Земский собор видят в причинении вреда московским послам прежде всего оскорбление государя и, соответственно, государства. Следовательно, все санкции, которые они предлагают, относятся к иностранному государству, позволившему себе оскорбить русских дипломатов: прекращение денежных выплат в Крым и т. д.

В том же ключе действовали царские власти и после Земского собора: представители Боярской думы высказали крымским послам все обвинения и потребовали объяснений от ханских властей. При этом они ссылались на единое мнение членов Земского собора о поддержке ими царской позиции по данному вопросу. Весьма интересно, как отмечает А. А. Новосельский, что московским дипломатам (при помощи их союзников среди ханских же приближенных), упирая именно на вышеупомянутые обвинения, удалось убедить крымского хана отказаться от требования увеличить «поминки» [9, с. 29].

Фактически «зеркальная» ситуация имела место в 1657 г.: на этот раз оскорблению (и даже нападению) подверглись представители крымского посольства в Москве, причем был даже убит ханский гонец Мухаммад-имелдеш [см.: 8, с. 34–35]. Узнав об этом, крымский хан Мухаммад-Гирей IV (прав. 1641–1644 и 1654–1666) направил царю Алексею Михайловичу (прав. 1645–1676) ярлык «мохаббат-наме», в котором заявлял: «Убийство Нашего посла, насилия над людьми близ Ваших пограничных городов – разве это подходящие для падишахского достоинства и дружбы дела?» В отличие от московских властей, хан не собирался обсуждать последствия на межгосударственном уровне, а предложил собственное решение:

«Если желаете дружбы, поймите незаконнорожденного, убившего Нашего посла, воздайте ему должное и велите найти незаконнорожденных, чинивших насилия над послом на дороге, воздайте ему должное. А также, если кто-либо решится на такое дело, такого должна ожидать казнь» [11, с. 130].

Как видим, крымский хан видит в нарушении неприкосновенности дипломатов не проявление неуважения к нему лично и возглавляемому им государству, а всего лишь уголовное дело, по которому прямо и рекомендовал, как следует выносить приговор. Означает ли это, что Мухаммад-Гирей IV не осознавал международно-правовой характер происшедшего инцидента и считал его «бытовым» преступлением? Вряд ли это было так. Еще его непосредственный предшественник на крымском троне, хан Ислам-Гирей III (прав. 1644–1654) в переписке с польским королем Владиславом IV (прав. 1634–1648) упоминал о том, что королевские подданные задержали его посла к королю и удерживают его насильно, но при этом не требовал наказания «непосредственных исполнителей» этого нарушения, предпочитая обсуждать эту проблему непосредственно с королем, которому в 1646 г. направлял соответствующие ярлыки [1, с. 370, 374–375]. Почему же в отношении аналогичных действий московских властей преемник Ислам-Гирей придерживался иной позиции?

Думается, все дело в том, что крымские ханы, признававшиеся и Москвой как главные наследники распавшейся Золотой Орды [см., напр.: 14, с. 30–31], продолжали считать московских государей своими вассалами с соответствующей системой подчинения и возможностью влиять на ее внутреннюю политику. В рамках такой парадигмы государь-сюзерен вполне мог предписать государю-вассалу наказать его (вассала) подданных за какие-то преступления, совершенные и против сюзерена. Ярким примером тому является история с новгородскими ушкуйниками, разграбившими в 1360 г. золотоордынский город Жукотин: хан Хызр (прав. 1360–1361) приказал великому князю владимирскому Дмитрию Константиновичу (прав. 1359–1362) захватить этих разбойников и выдать их ордынским послам, что и было сделано [см., напр.: 10, с. 181].

Да и сам Мухаммад-Гирей IV, похоже, не делал различий между своими собственными подданными и подданными московского царя, предписывая им одинаковые наказания за схожие преступления. Так, в письме тому царю Алексею Михайловичу, направленном весной 1657 г., он упоминает о том, что один из его послов допустил оскорбление московского царя («из послов наших один по имени Мурад, некто ничтожный, Вам, брату Нашему, высказал неподобающее слово, никоим образом не соответствующее славе и достоинству правителей-падишахов») и обещает, что «если это слово действительно было сказано им, он не уйдет от Нашего правосудия» [11, с. 121]. Восприятие Московского государства как вассального по отношению к Крымскому ханству, таким образом, вполне объясняет ту непосредственность, с какой хан «рекомендует» царю, как поступить с нарушителями норм посольского права!

Подобные нюансы в дипломатических сношениях Московского государства и Крымского ханства уже отмечал Л. А. Юзефович в своем исследовании о российском посольском церемониале – правда, применительно к реалиям XVI в. Кроме того,

исследователь сосредоточился на формально-ритуальных аспектах посольских отношений – в частности, на том, что московским послам категорически запрещалось принимать ханские письма к царю, запечатанные перстневым нишаном (поскольку на посланиях иностранным государям должна была проставляться большая тамга, тогда как перстневая печать обычно ставилась на ханских актах, адресуемых собственным подданным или вассальным правителям) [13, с. 22–27; 14, с. 23–31]. Однако, как мы могли убедиться, восприятие Московского государства как нижестоящего в международной иерархии и до определенной степени подчиненного Крымскому ханству сохранялось у крымской правящей элиты и столетие спустя. Причем проявлялось и в таком специфическом аспекте, как нарушение дипломатической неприкосновенности и поиск виновных в этом преступлении.

Таким образом, можно сделать, что «политика двойных стандартов», использовавшаяся Крымским ханством при нарушении норм посольского права со стороны Московского царства и Польско-Литовского государства, вовсе не отражала низкий уровень правовой культуры ханства и его правителей. Разное отношение к этим двум государствам объяснялось тем, что одно из них прежде являлось вассалом ханов-Джучидов – предков крымских ханов, а другое и прежде рассматривалось как независимый партнер в рамках международной политики. Вероятно, немалую роль сыграло в этом и сохранение регулярных выплат из Москвы в Крым, традиционно воспринимавшихся как дань и, следовательно, подтверждавших зависимый статус русских правителей от крымских ханов. Как известно, эта ситуация изменилась лишь в 1700 г. по итогам Константинопольского мирного договора.

Список использованных источников и литературы

1. Абдуземилев Р. Р. Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 388 с.
Abduzhemilev R. R. Khronika Mekhmeda Senai kak pamyatnik krymskotatarskoi khudozhestvennoy literatury XVII v. Kazan': In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2016. 388 s.
2. Бирюков П. Н. Международное право. М.: Юрист, 1998. 416 с.
Biryukov P. N. Mezhdunarodnoe pravo. M.: Yurist, 1998. 416 s.
3. Буткевич О. В. У истоков международного права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр пресс», 2008. 881 с.
Butkevich O. V. U istokov mezhdunarodnogo prava. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr press», 2008. 881 s.
4. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с. (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).
Nepomnyashchii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945). Simferopol': Antikva, 2015. 936 s. (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).
5. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Клышников, Комаров и К^о., 1992. 512 с.
Gumilev L. N. Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'. M.: Klyshnikov, Komarov i Ko., 1992. 512 s.
6. Мнение Иосафа патриарха и всего Освященного собора // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. 1861. Т. 2. С. 372–374.
Mnenie Iosafa patriarkha i vsego Osvyashchennogo sobora // Zapiski Otdeleniya russkoi i slavyanskoi arkheologii imp. Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. 1861. T. 2. S. 372–374.
7. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.

Novosel'skii A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII veka. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. 448 s.

8. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М.: Наука, 1994. С. 13–135.

Novosel'skii A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami vo vtoroi polovine XVII veka // Novosel'skii A. A. Issledovaniya po istorii epokhi feodalizma. M.: Nauka, 1994. S. 13–135.

9. Непомнящий А. А. Подвижники кримведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA / Респ. комитет АРК по охране культурного наследия. Симферополь, 2008. 600 с. (Серия: «Биобиблиография кримведения»; Вып. 12).

Непомняшчии А. А. Podvizhniki krymovedeniya. T. 2: TAURICA ORIENTALIA / Resp. komitet ARK po okhrane kul'turnogo naslediya. Simferopol', 2008. 600 s. (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; Vyp. 12).

10. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 462 с.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. XXV. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. 462 s.

11. Фаизов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереевского времени. М.: Гуманитарий, 2003. 168 с.

Faizov S. F. Pis'ma khanov Islam-Gireya III i Mukhammed-Gireya IV k tsaryu Alekseyu Mikhailovichu i korolyu Yanu Kazimiru. 1654–1658. Krymskotatarskaya diplomatika v politicheskom kontekste postpereyaslavskogo vremeni. M.: Gumanitarii, 2003. 168 s.

12. Шумилов В. Н. Дело земского собора 1639 г. // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв. Сборник статей, посвященный памяти А. А. Новосельского. М.: Наука, 1975. С. 293–302.

Shumilov V. N. Delo zemskogo sobora 1639 g. // Dvoryanstvo i krepostnoi stroi v Rossii XVI–XVIII vv. Sbornik statei, posvyashchenniy pamyati A. A. Novosel'skogo. M.: Nauka, 1975. S. 293–302.

13. Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». М.: Международные отношения, 1988. 216 с.

Yuzefovich L. A. «Kak v posol'skikh obychayakh vedetsya...». M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. 216 s.

14. Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV – первая половина XVII в. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.

Yuzefovich L. A. Put' posla. Russkii posol'skii obychai. Obikhod. Etiket. Tseremonial. Konets XV – pervaya polovina XVII v. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2007. 344 s.

Pochekaev R. Yu. The Shades of the Ambassadorial Law in the Moscow-Crimean Relations in the middle of the 17th c.

The article is an attempt to clarify specific features of legal regulation of relations between Moscow State and Crimean Khanate – in particular, of attitude of their authorities towards the personal immunity of ambassadors. By two examples of the middle of the 17th cc. author examines on whom the rulers of both states laid the blame for such harm-doing and attempts to explain why authorities of Moscow and Crimea practiced different responsibility for offence against the ambassadorial law.

Keywords: Moscow State, Crimean Khanate, ambassadorial law, immunity of diplomats, Zemskiy sobor of 1639, Islam-Geray III, Muhammad-Geray IV.